

Несмотря на нехватку времени Дима Билан нашел время для интервью, согласившись утолить любопытство читателей и подробнее рассказать об ощущениях от “ласк” Майкла Джексона и о своих творческих планах, которые обещают новые сенсации.

— Дима, Майкл Джексон — человек-легенда (к счастью, еще живая) — слушал твою песню, аж присев на корточки. Не приплющило от такой сюрреалистической картинке?

— Что можно чувствовать, видя человека, музыку которого слушала и слушает уже больше 20 лет вся планета Земля, когда он сидит перед тобой на корточках и слушает — внимательно слушает! — твоё собственное пение... Я не знаю, как описать это чувство, — рассказывает Дима "МК". — Но то, что это ощущение было совершенно не похоже на все, что мне приходилось переживать прежде, совершенно очевидно. Возможно, это ивпрямь из области сюрреализма. Я помню, как мальчишкой в какие-то мохнатые 90-е мечтал попасть в Москву, чтобы посмотреть концерт Майкла, когда он приезжал сюда гастролями. Увидеть хоть краешком глаза. Об этом же помимо меня мечтали миллионы людей во всем мире. Я рос в том числе и на его музыке... За последние два года я увидел достаточно много, был на разных мероприятиях, и там, и здесь, и в Европе, и в Америке, и на “Евровидении”, и на World Music Awards, встречался с известными и знаменитыми людьми, музыкантами, так что могу теперь многое с чем сравнивать, анализировать и не впадать по любому поводу в состояние восторга. Но даже теперь Майкл Джексон для меня — как инопланетянин. При взгляде на него просто меняется мировоззрение. С одной стороны, ты видишь, что он несчастен. С другой стороны, понимаешь, насколько он велик, и с этим величием он каждый день живет, деля его в себе с этой личностной драмой, вроде бы и скрытой, но в то же время и очевидной. Он улыбается, он мягок, обходителен в общении, на все реагирует, словно удивленный ребенок. Даже на мелочи какие-то. Но это — не игра, а совершенно естественное состояние. В то же время — эта печать какой-то вселенской грусти на лице, даже если он улыбается. Смотришь на все это, пытаешься понять, что у него в голове, и вот здесь у самого начинается какой-то слом в сознании.

Я помню, как мальчишкой мечтал попасть в Москву, чтобы посмотреть концерт Майкла, когда он приезжал сюда гастролями

— В общем, снесло крышу?

— Ну, я уже родился с неснесенной крышей. Хи-хи. Но ощущение легкой нереальности было. Особенно когда все это происходило в совершенно, как говорится, неформальной обстановке, на сверхзакрытом приеме, где было около 150 самых избранных гостей со всего мира. Майкл там не пел, а просто был как гость. Немного смешно передвигался — чуть-чуть бочком, слегка приседая. Чем-то это смахивало на привидение из мультфильма “Каспер и друзья”... Это действительно событие — познакомиться с Майклом. Ведь он очень закрытый человек. Помнишь,

в ноябре на World Music Awards в Лондоне он был единственный, кому было разрешено подъезжать вплотную к сцене на личном лимузине, хотя это была крытая арена? Кольцо охраны. Даже организаторы не могли договориться тогда, чтобы с ним сфотографироваться. А тут было все запросто, почти по-свойски.

— **И о чем вы с ним болтали?**

— Ну, нельзя сказать “болтали”. Он сказал, что ему понравилась моя песня, а я сказал, как его до сих пор любят у нас в стране, вспоминают его грандиозные гастроли в Москве...

— **Ты уверен, что когда он протянул это “so nice!”, погладив тебя по щеке, то хвалил твою песню, а не красоту, так сказать, неземную? Может, твоему просто приглянулся — свеженький, молоденький... Почти ребенок.**

— Незнаю, он просто так поздоровался — не рукопожатием, а по щеке ладонью провел. Я думаю, что “so nice” он сказал, имея в виду все вместе. Ведь это можно разными нюансами перевести — не только “какая красота”, как настаиваешь ты в своем вольном переводе, но и “хорошо”, “здорово”...

— **А это правда, что у него уже накладной нос?**

— На самом деле он выглядит гораздо лучше, чем мы думаем. Он — живой человек, абсолютно настоящий, не мумия. Очень располагает к общению. Немного ниже меня ростом. Только цвет лица у него крайне отличается от всех остальных людей — он очень белый. А съемных панелей на носу я не заметил.

— **Мне кажется, Джексон так расчувствовался, потому что твоя “Number One Fan” не то что по стилю, скорее по настроению чем-то близка его собственным песням...**

— Да, удивительно, но даже в Нью-Йорке люди, которым мы давали слушать эту вещь после сведения, говорили то же самое. Шутили, что, мол, молодой Джексон появился... из России.

— **И как приняли “молодого Джексона” гости праздника?**

— Хорошо приняли. Все зажигали. На самом деле я пожалел, что не взял танцоров с собой. Можно было сделать очень красивый номер. Ну, вышел я на сцену, поздравил принца Азима Брунейского, пожелал ему массу всего приятенького, чтобы там нефть у них долго не кончалась, и затянул свою долгую песню “Number One Fan”. Потом спел итальянскую арию. Ко мне стали подходить люди, спрашивать: откуда, кто такой? Я с гордостью говорил, что из России, и всех звал сюда. Говорил, что у нас тут божественно. Ну, и, конечно, много профессиональных контактов было с людьми из шоу-бизнеса, которые с реальным интересом расспрашивали меня о сотрудничестве с Тимбалендом. Так что состоялись важные знакомства, и это — практический результат вечеринки, которым я очень доволен.

— **Ну, у тебя вообще весь минувший год вышел очень практичным и жирным на успехи. Начиная с “Евровидения”, продолжая рекордными результатами в хит-парадах и целой линейкой национальных музыкальных премий. На ZD Awards ты вошел сразу в четыре номинации, чего раньше ни с кем не случалось, на MTV — четыре номинации, да и на сегодняшней премии “Муз-ТВ” — опять четыре номинации. Какая-то магическая цифра 4...**

— “Евровидение”, конечно, хороший толчок для всего. Но есть и другая сторона медали. Можно или быстро после этого загнуться, или идти дальше. Градус ожиданий у публики после успеха артиста на таком международном конкурсе слишком высокий. И для артиста это бывает иногда тяжело. Невозможно все время находиться на пике, нужно какое-то время помолчать, накопить эмоции. Я столкнулся с этой сложностью жизни-бытия после “Евровидения”. Но не жалею об этом. Потому что “Евровидение” дало прежде всего огромное чувство уверенности в своих силах, и это очень помогает теперь, когда творчество и моя работа, например, с Джимом Бинсом и Тимбалендом, вышли уже на совершенно другой виток.

— **Ты как-то с головой ушел в эту черную музыку...**

— Она мне всегда нравилась — черная музыка. Она дышит, она живая. Но любить и заниматься ею здесь, вдали от ее корней, — это процесс немножко стерильный и

искусственный. А работать с людьми, которые создали этот стиль, для которых это — сама жизнь, просто здорово. Совершенно другое понимание и погружение! Хотя я, безусловно, человек с русской душой и не могу абстрагироваться от того, из чего я сделан. Поэтому, работая с Тимбалендом, я сам стал соавтором некоторых вещей, потому что воспринимаю музыку все-таки своим, определенным образом. Какой бы черной, сверхстильной или, наоборот, не стильной она ни была, она все равно остается музыкой с моей душой, моими чувствами и, надеюсь, обязательно найдет своего слушателя именно здесь. Так, собственно, всегда и было.